

**РУССКАЯ
КЛАССИЧЕСКАЯ
МУЗЫКАЛЬНАЯ
КРИТИКА**

**А. П. БОРОДИН
—
ВОСПОМИНАНИЯ
О
Ф. ЛИСТЕ**

МУЗГИЗ — 1953

А. П. БОРОДИН

**ВОСПОМИНАНИЯ
О
Ф. ЛИСТЕ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1953**

Примечания
В. КИСЕЛЕВА

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ЛИСТЕ *

Забравшись с моими будущими докторами философии в Иену, я поглощен был, понятно, интересами, не имеющими ничего общего с музыкой, и забыл даже думать, что в двух шагах от меня живет Лист. (Я разумею в Веймаре). К тому же, уезжая из Петербурга, я слышал вскользь от Бесселя¹, что Лист должен быть в Ганновере. Вот сидим мы это 30-го июня в ресторане и просматриваем газеты. Вдруг читаем, что 2-го июля будет в Иенском соборе концерт духовной музыки. Большинство вещей новых, в том числе четыре листовских: *Benedictus* из *Krönungsmesse* для скрипки с органом и фортепиано, *Ave maris stella* для мужского хора с органом, *Ave Maria Arcadelt'a*, сделанная для органа Листом, и «*Cantico del Sole*» di San Francisco d'Assisi a. 1224 для баритона соло, мужского хора, органа и фортепиано (из неизданных вещей Листа). Кроме этого, много вещей интересных, из старых —

---

* Воспоминания эти — выборка из частной переписки, не предназначавшейся вовсе для печати и касавшейся многого другого, помимо отношений моих к Листу. Многое пришлось сократить, многое вовсе выпустить. Этим объясняется неполнота, отрывочность, разрозненность и некоторая беспорядочность в изложении. (Прим. автора).

Баха, Палестрины; из новых — Лассена и пр.; вдобавок ко всему курьез; похоронный марш Шопена (Adagio из его b-moll'ной сонаты), сделанный Листом для виолончели, фортепиано и органа. Как уже это попало в число церковных вещей, — не понимаю. Разумеется, мы поспешили запастись билетами. При этом нам сообщили частным образом, что, по всей вероятности, Лист сам приедет в Иену послушать свои вещи, так как он теперь в Веймаре. Не желая упустить такого удобного случая познакомиться с Листом, — чего мне давно хотелось, — я порешил, не откладывая, завтра же ехать к нему в Веймар. Нужно сказать тебе, что из Иены в Веймар — рукой передать, все равно, что из Петербурга в Павловск. Вот на другой день, 1-го числа, в 11 ч. 51 м., я и прикатил в столицу гросс-герцогства Саксен-Веймарского.

Рассчитывая, что Лист, по немецкому обычаю, обедает в час, я положил сначала пообедать и уж после обеда идти на поиски за великим Maestro. Так и сделал. Вообрази курьез: кого ни спрошу — никто не знает, где живет Лист. Вижу, наконец, вывеску «Hotel de Russie»; ну, думаю, где стоит «Russie», там, наверно, обязаны знать все. Стремлюсь туда и натываюсь прямо на стереотипную фигуру оберкельнера — с графской физиономией, английским пробором и толстым золотым перстнем (один из самых противных типов немецкого «человека»). Оберкельнер смерил меня своим оловянным взглядом, не одобрил и на вопрос процедил сквозь зубы: «bedauere sehr» * и пр. Я мысленно послал его к чорту и отправился наудачу далее. Вдруг — o welche Wonne! ** передо мною Kunsthandlung ***.

* «весьма сожалею»

** о, какое блаженство!

*** художественная торговля

а в ней за стеклом торчит огромный Лист, фотографированный разумеется. Ну, думаю, тут уж непременно знают, где он живет! Так и вышло: лаконизм обержельнера с лихвою вознаградился потоком самых подробных указаний со стороны жиденькой немочки, которая, не ограничиваясь словесною инструкцією, проводила меня за двери и, мотая тоненьким пальчиком в воздухе, указывала направление: rechts *, links **, опять links, опять rechts («ты к швее-то не заходи», — как в «Женитьбе» Гоголя) и, наконец-то immer g'rade aus!****. Иду я направо, иду налево, к швее не захожу, наконец, захожу на Wielandsplatz ****, а тут, как в наших сказках: одно распустье — дорога направо, дорога налево, а прямо-то «g'rade aus» и дороги нет, — ее загородил огромный медный Виланд², с толстыми икрами и медным, неподвижным лицом. Кроме меня и его, на площади никого нет; спросить не у кого; кругом точно вымерли все. Только где-то поблизости мелким бисером сыплются беглые фортепианные нотки. Впоследствии я узнал, что это играла моя компатриотка Т[иманова]³, которая как раз угодила нанять квартиру против самой спины Виланда.

Я сунулся опять наудачу в боковые улицы, по направлению могучих икр медного поэта. Оказалось, что левая икра была обращена к Amalienstrasse *****, правая — к Marienstrasse *****. Обе улицы вели к музыкальным знаменитостям: одна на кладбище, к покойному во всех отношениях Гуммелю⁴.

---

* направо

** налево

*** все прямо

**** площадь Виланда

***** улица Амалии

***** Маринская улица

другая — в парк, к живому во всех отношениях Листу.

По последней я и направился «immer g'rade aus!» Это была — Marienstrasse. Лист должен жить совсем на конце улицы, у парка. Оказалось, что и тут я ошибся домом. Спрашиваю: где живет Лист? — Какой Лист? Никакого Листа тут не живет! — Ну, поблизости нет ли? — Н... нет... всё тут жильцы известные... Анà! Анà! Вот тут спрашивают к а к о г о т о (?) Листа,—крикнула краснощекая немка другой немке в том же доме. Вмешался длинный, неуклюжий немец: стойте! Вот тут напротив живет, кажется, какой-то доктор Лист. Иду напротив. Домик № 1-17 — в три окна, крохотный, каменный, двухэтажный, угловой, белый, весь обвитый диким виноградом. С улицы хода нет. Железная решетка. Калитка ведет в садик — изящный, чистенький, точно языком вылизанный. В саду гуляет какой-то господин в соломенной шляпе.— Здесь живет Herr Doctor * Лист? — Здесь, но только теперь он обедает; после обеда ляжет отдохнуть и ранее 4½ ч. его видеть нельзя.— Тьфу ты пропасть! Какая досада(!), подумал я, и от нечего делать пошел бродить по городу.

Времени было много, и я,— в виде пролога к свиданию с великим современником,— принялся электризовать себя воспоминаниями о великих покойниках по части искусства. А в Веймаре всего этого пропасть. Каждый уголок, каждая улица, каждая площадь говорит здесь о прошлом искусства — и хорошем прошлом!

Вот кладбище,— в одном склепе с коронованными гросс-герцогами покоятся останки Гете и Шиллера, в дубовых гробах, украшенных лавровыми вен-

---

* господин доктор

ками; у гроба Шиллера, сверх того, серебряный венок — приношение гамбургских женщин, по случаю столетия годовщины дня рождения великого поэта.

Вот дом, где жил Гете весь остаток своей долгой жизни, с 1776 года до 1832, т. е. 56 лет. Вот маленький, простенький, старинной архитектуры, домик; на дверях написано: *hier Wohnte Schiller!* * Тут он и умер в 1805 году, переселившись из Иены, где был профессором некоторое время. Тут же, за малую лепту, можно видеть и разные «реликвии» Шиллера, из тех, что по тарифам железных дорог значатся под именем «домашних вещей».

А вот и всем известная бронзовая группа, обоих поэтов, неразлучных и при жизни, и по смерти; неразлучаемых и в народной памяти: — на пьедестале надпись: «*dem Dichterpaar Schiller und Göthe das Vaterland*» **. Немецкие остряки не щадят, однако, этой памяти и называют группу ехидно — «*Schulze und Müller*» ***. Вот домик Виланда, домик Гердера ⁵ и бронзовые статуи их. Но эти разлучены; — пьедесталы у них отдельные, стоят они на разных местах, и об них остряки ничего не говорят. Есть и домик Луки Кранаха ⁶, даже с его гербом. В гроссгерцогской библиотеке можно видеть и «*Chormantel*» **** Лютера, и придворный костюм Гете, и домашний халат того же Гете, и многое другое в том же роде. Да всего не перечтешь. Электризоваться великими именами вообще я начал уже в Иене. Крохотный университетский город до того переполнен вещественными доказательствами пребывания в

---

* здесь жил Шиллер

** «Двум поэтам — Шиллеру и Гете — отечество»

*** Староста и мельник

**** стихарь

нем великих людей, что если бы, например, приезжий, пропитанный благоговением к великим именам, идя по улице, хотел, положим, плюнуть: куда! остается плюнуть в платок. Около одного дома нельзя, — тут жил Гете; около другого нельзя, — тут жил Шиллер, Гегель⁷, Шеллинг⁸, Окен⁹, Фихте¹⁰, Арнт¹¹, Меланхтон¹² и пр. Я сам чувствовал себя сначала несколько неловко: — потому — сразу попал под одну кровлю с Лютером. Великий реформатор жил как раз через стенку от меня. Рядом с домом, где я поместился, жили — с одной стороны Гете, с другой Шиллер; напротив меня Гете писал Германа и Доротею; недалеко от меня Шиллер писал Валленштейна. Просто беда! — Чуть не на каждом доме дощечка с великим именем. Нужно, впрочем, признаться, что между последними есть и такие, память о которых сохраняется только потому, что они написаны на домах. Вообще страсть немцев увековечивать на домах имена великих жильцов приводит иногда к курьезам; например, в Бонне есть два дома, в разных частях города, и на обоих значится: «Здесь родился Бетховен!».

Проболтавшись по городу до 4^{1/2} часов, спешу в Marienstrasse, к заветной решетке. Вхожу в калитку. Гляжу — господина в соломенной шляпе нет, а сидят в саду две дамы. «Ist Herr Doctor zu sprechen?» * — собезьянничал я по-немецки. — «O ja wohl! Oben: eine Treppe hoch» **. Ну слава богу! Я поблагодарил, подняв почтительно, по-немецки, высоко шляпу, и направился «эйне треппе hoch», а сам думаю: — ну а вдруг это какой-нибудь вольнопрактикующий врач Лист? Не успел я отдать карточки, как вдруг перед носом, точно из земли, вы-

---

* «Можно ли переговорить с г. доктором?»

** «Конечно! Он живет этажом выше».

росла в прихожей — длинная фигура в длинном черном сюртуке, с длинным носом, длинными седыми волосами. «Vous avez fait une belle symphonie» *, — гаркнула фигура зычным голосом, а длинная рука протянулась ко мне. «Soyez le bienvenu!» ** — и тут же, в коротких, но сильных выражениях он успел высказать свое résumé относительно каждой из частей симфонии и показать мне, насколько эта вещь ему нравится и хорошо знакома в подробности.

Мыскулистая рука крепко сжала мою руку, втащила в комнату и усадила меня на диван. Мне оставалось только откланиваться и благодарить. Величавая фигура старика, с энергическим, выразительным лицом, оживленная, двигалась передо мною и говорила безумолку, закидывая меня вопросами относительно меня лично и музыкальных дел в России, которые ему, очевидно, недурно известны. Разговор шел то на французском, то на немецком языке, перескакивая ежеминутно с одного на другой ***.

Он много расспрашивал о Корсакове, о котором он очень высокого мнения: «M-r Rimsky — est un très grand talent!» ****. Рассказывал, между про-

---

* «Вы сочинили прекрасную симфонию»

** «Добро пожаловать!»

*** Самой сущности разговора в подробности не привожу частью потому, чтобы не утомлять внимания читателей музыкальными частностями, могущими интересовать только специалистов: частью потому, чтобы «гусей не раздражить», ибо я имел здесь случай лично увериться, что интерес и симпатии Листа выпадают несомненно на долю тех, молодых еще, элементов русской музыки, которые у нас не пользуются сочувствием большинства и против которых раздражение еще не улеглось ни в печати, ни в публике. Наконец, частью потому, что многое здесь касается прямо меня лично. (Прим. автора).

**** «Г-н Римский-[Корсаков] — очень большой талант!»

чим, как ужасно провалился «Садко» Корсакова в первый раз в Вене; как А. Рубинштейн, дирижировавший тогда «Садко», привез Листу партитуру и сказал: «Эта вещь провалилась у меня, но Вам она, наверное, понравится». И «Садко» и «Антара» Лист ставит очень высоко. Расспрашивал о том, как исполнялся «Christus», в концерте «Бесплатной школы»¹³. Когда я сказал, что, *Stabat mater speciosa*, к сожалению, не могла быть исполненной с органом, а шла с фисгармоникою,— он сказал: «тут есть громадные трудности; во втором издании я сделаю непременно иначе; нужно, чтобы орган прямо вступал с голосами и сопровождал их сплошь».— Я заметил, что Корсаков сделал особенную уловку... «угадываю! — перебил Лист,— он заставил вступить орган немного раньше голосов: так? Я знаю, что значит дирижировать подобные вещи! Он поступил очень умно!» и т. д. Расспрашивая о Балакиреве, он сказал: «Жаль, что Вы не слыхали, как у меня играет Ваша компатриотка *M-lle Véra T[иманова]* вот эту вещь» — и указал на весьма истрепанный экземпляр балакиревского «Исламея», лежавший тут, так что, видимо, его только что играли. «У меня сегодня была *matinée*, и она как раз сегодня ее играла». (Как я потом узнал, Лист, заставляя ее играть эту вещь, шутя говорит: «*M-lle Véra! eh bien! tranchez la question orientale à votre manière!*» *). «Она играла «Исламея» на последнем собрании у гросс-герцога», — прибавил Лист. «Вы знаете, что гросс-герцог хорошо знает Ваши вещи и очень их любит. У нас в Германии их, разумеется, не гутируют.

Вы знаете Германию? Здесь пишут много; я тону в море музыки, которой меня заваливают, но, Боже!

---

* «М-ль Вера! Разрешите-ка восточный вопрос по Вашему методу!»

до чего это все плоско (flach)! Ни одной свежей мысли! У вас же течет живая струя; рано или поздно (вернее, что поздно) она пробьет себе дорогу и у нас». Спрашивал о Кюи и др. Между прочим, говорил, что ему очень нравится трио Направника¹⁴; что сначала, когда он читал его только в партитуре, оно показалось ему длинно и вяло, но когда он слышал его в исполнении, он нашел, что оно прекрасно и эффектно сделано.

Из нашего разговора я заметил, что инструментальною русскою музыкою он интересовался гораздо более, нежели вокальною, что, впрочем, вполне понятно, так как русского языка он не знает. Но и вообще,— как мне показалось,— симфоническая, камерная и фортепианная музыка, повидимому, интересуют его более, нежели оперная.

Когда я благодарил его за любезности, приходившиеся на мою долю, он с досадою перебивал меня: «Да я не комплименты Вам говорю. Я так стар, что мне не пристало говорить кому бы то ни было иначе, чем я думаю; меня за это здесь не любят, но не могу же я говорить, что пишут хорошие вещи, когда нахожу их плоскими, бездарными и безжизненными». Узнав, что я живу не в Веймаре, а в Иене, он сказал: «Ба! значит, мы с Вами завтра увидимся? ou logez-vous?» *. Я, разумеется, отклонил какой бы то ни было визит с его стороны. «Ну вот что, tenez! je vous invite demain à diner dans le Bären (отель Zum Schwarzen Bären). Sie sind also mein Gast für Morgen, vergessen Sie es nicht» **, напомнил мне он на прощанье. Просить его играть я не решился: было бы слишком бесцеремонно.

---

* «Где Вы остановились?»

** «Слушайте! я приглашаю Вас завтра к обеду к Медведю (гостиница «К черному медведю»). Итак, завтра Вы — мой гость, не забудьте этого».

Говорил он превосходно на обоих языках, свободно, бойко, с увлечением, быстро и много, как умеют говорить только французы. При этом он не сидел ни минуты на месте, ходил, жестикулировал и всего менее напоминал собою духовную особу. Рот его широко раздвигался и крепко захлопывался, громко отчеканивая каждый слог и напоминая мне несколько дикцию покойного А. Н. Серова. Высказав, что ему было нужно, он захлопывал рот окончательно, откидывал седую голову, останавливался и вперял в меня свой орлиный взгляд, как будто хотел сказать: «А ну ка! посмотрим, что ты мне теперь на это скажешь?» — Впоследствии я видел, что у него есть еще другая манера говорить: едва шевеля губами, тихо, каким-то старческим и аристократическим говорком, напоминая мне дикцию другого покойника — Н. М. Пановского¹⁵.

Он так меня замотал, по твоему выражению, что, прощаясь, я даже забыл спросить его, какой это обед, на который он пригласил меня; в котором часу; нужно ли быть во фраке или нет. Обо всем этом я вспомнил уже на дороге из Веймара в Иену. Приехав туда, я нашел на станции А. [Дианина]¹⁶ и Г[ольдштейна]¹⁷ — моих будущих докторов философии, нетерпеливо ожидавших рассказа о свидании с великим Maestro и впечатлении, которое он на меня произвел.

На другой день меня взяло раздумье: — как я пойду на обед? а ну как там дамы да бо-монд? а у меня, кроме дорожного платья, ничего нет? — Я порешил извиниться перед Листом и не пойти вовсе. Но как и где это сделать? Очевидно, что Лист не остановится же в гостинице Zum Bären: он в Иене свой человек. Наконец, мы втроем порешили отправиться в собор, в надежде, что так как концерт будет там, то наверное там знают, когда придет

Лист и где остановится. Пошли мы собственно зря, между прочим, наудачу. Подходим к собору — там гудит орган. Мимо нас прошмыгнул какой-то господин в маленькую дверь, боковую (главные двери были закрыты). Мы за ним. Входим: нет почти никого, человек пять кое-где разместились по скамьям. Под старинными готическими сводами так и раскатывается d-moll'ная fuga Баха. Мы сели. Видим — народу прибывает понемногу. Чей-то зычный голос прокричал: *Na! jetzt kann mann doch anfangen; rasch hinauf, die Herrn Sänger! Wir haben wenig Zeit; es muss noch einmal alles durchgenommen bis der Meister noch nicht da ist**. Оказалось, что мы случайно попали на репетицию концерта, который должен был быть еще в 4 часа вечера, а теперь был всего 11-й час утра. Можешь представить, с каким наслаждением мы, совсем неожиданно, выслушали почти весь концерт. Исполнители были превосходные; большею частью все придворные артисты Веймарской капеллы, солисты и придворные оперные певцы. Хор очень хороший, — академического (университетского) общества пения «Paulineg», состоящего исключительно из студентов. На нас никто не обращал внимания; никто не приглашал, но никто и не гнал нас. Мимо нас таскали ноты, виолончели, скрипки; шмыгали оперные певцы. Вдруг, около 12 час. все зашумело, устремилось к двери с выражением напряженного внимания. «Der Meister kommt! Der Meister, der Meister ist da!»**. Распорядители концерта во фраках и белых галстуках забежали, засуетились. Двери распахнулись, и выступила характерная черная

---

* «Ну! теперь же следует начать; поднимайтесь сюда, господа певцы! У нас мало времени; нам надо еще раз все прорепетировать до приезда маэстро!»

** «Маэстро приехал! Маэстро, маэстро здесь!»

фигура Листа под руку с дамой; — как я узнал впоследствии, — баронессою М[ейендорф] ¹⁸. За ними следовала целая фаланга листовских учеников и учениц, правильное — учениц, потому учеников всего было один — Зарембский ¹⁹, поляк, из Житомира, очень даровитый пианист. Вся эта юная толпа очень непринужденно и бесцеремонно вкатилась в собор и, треща на всевозможных языках, посыпалась по скамейкам. В этой толпе я увидел и нашу соотечественницу — M-lle Véra Т[иманову]. Лист, повидимому, ее особенно жалует, потому, усаживаясь с баронессою М[ейендорф] и композитором Лассеном, он спохватился, где M-lle Véra, и, видя, что она сидит в заднем ряду, без церемонии вытащил ее и посадил около себя.

Он слушал очень внимательно, хотя, большею частью, с закрытыми глазами. Когда дошла очередь до его вещей, он встал и, окруженный распорядителями, направился на хоры. Вскоре, у дирижерского пюпитра, показалась его большая, седая, смелая голова, энергическая, но спокойная и уверенная. Издали он очень похож на нашего Петрова ²⁰ — та же маститость, то же сознание, что он у себя дома везде, где он действует. Дирижировал он без палочки, рукою, спокойно, определенно и уверенно; замечания делал очень мягко, спокойно и коротко. Когда очередь дошла до вещей с участием фортепиано, он ушел в глубь хора и вскоре седая голова его показалась за роялем. Мощные, круглые звуки рояля полились, как волны, под готическими сводами древнего собора. Играл он божественно! Что за тон, что за сила, что за полнота! Какое пианиссимо, какое *moendo*! Юноши мои так и кисли от восторга. Когда дошло дело до *Marche funèbre Chopin'a*, очевидно было, что вещь эта вовсе не была аранжирована: — Лист импровизировал партию форте-

пиано, в то время, когда орган и виолончель играли по нотам; каждый раз, при повторении, он играл иначе,— даже совсем не то, что прежде. Но что он сделал из этого! Уму непостижимо! Орган внизу тянет *pianissimo* аккорды и терции; фортепиано с педалью дает *pp*, но полные удары; виолончель поет тему. Эффект выходит поразительный: — совершенно как будто отдаленный похоронный звон густых колоколов, из которых один ударяет прежде, чем другой перестал гудеть. Я никогда, нигде, ничего не слышал подобного. Потом, что за *scènes*! Мы были на седьмом небе! Я только тогда вспомнил о намерении подойти к Листу и просить извинения, что не могу принять приглашения на обед, когда он уже уходил под руку с баронессой М[ейендорф], окруженный своим штатом юных пианистов, которые довольно бесцеремонно тормозили великого Meister'a, и хотя, видимо, очень ухаживали за ним, но без почтительного страха. Подойти к нему не было ни малейшей возможности, я решил проводить его Zum Bägen и там *faire mes excuses* *. Проходя в двери, я был остановлен Т[имановой], которая очень радушно и ласково подбежала ко мне: «Лист сказал нам, что Вы в Иене. Давно ли Вы здесь?» и т. д. Я сообщил ей, между прочим, о намерении уклониться от обеда. «И думать не смейте! Вы ужасно обидите Листа! Он на Вас рассчитывает и еще в Веймаре объявил нам всем, что Вы обедаете у него сегодня. Идите за мной!». Прежде чем я успел сказать ей что-либо, M-lle Véra схватила меня за руку и втащила в пестрый кружок ее подруг: «Вот это самый и есть Herr N., mein Landsmann» **, представила она меня.

---

* принести извинения.

** «Господин Н., мой земляк».

«До обеда далеко, обед в 2 часа еще, Meister пошел отдохнуть немного, пойдемте есть вишни пока!» Пестрая толпа высыпала на улицу, потащила меня за собою. Мы, как мухи, облепили чье-то крыльцо, мигом расхватили вишни у стоявшей тут же торговки. Меня поместили между Т[имановой] и какой-то очень милой пианисткой из Дюссельдорфа; рассыпав вишни на бумагу на коленях, они бесцеремонно пригласили меня к участию: «Helfen Sie doch!» На вишни все накинулись, как школьники, барышни смеялись и трещали на всевозможных языках. Я точно сто лет был знаком с ними. Наконец, пора было идти в отель Zum Bären, который был очень недалеко.

В отель пришли мы, однако, слишком рано. Там было отведено особое помещение для нас, пока готовили стол в Speisesall'e **. Барыни без церемонии начали прихорашиваться перед зеркалом и даже пошли подпудриваться. «Der Meister ruht noch! Der Meister ist noch nicht da!» ***, — слышалось кругом.

Наконец, пробило два часа, все двинулось в столовую. Стол был сервирован прекрасно, убран цветами и т. д. Лист пришел с распорядителями и с неизбежною своею дамой — баронессой М[ейендорф], композитором Лассеном ²¹ и еще кое-кем. Увидев меня, он закричал: Ah! soyez le bienvenu! **** — и сейчас же начал меня знакомить с баронессой, Лассеном, своим другом — Justizraht ***** Гилле ²², главным распорядителем. Мне уже было резервировано место за столом. Лист сидел на конце, во главе

---

* «Помогайте же!»

** столовая.

*** «Маэстро еще отдыхает! Маэстро еще нет!»

**** «А, добро пожаловать!»

***** советником юстиции

стола, я возле Листа по левую руку; по правую сидела напротив меня баронесса. Она вступила сейчас же со мною в беседу, наговорила любезных вещей и сообщила, что она с Листом играла мою симфонию у гросс-герцога два дня тому назад; симфонию и она и Лассен знают, очевидно, очень подробно. Лист был очень любезен, весел и разговорчив; подливал соседям вино и т. д. Главным предметом разговора была опять-таки русская музыка, которою баронесса интересуется, повидимому, не менее Листа. Говорили на этот раз много о русских операх: «Руслане», «Юдифи», «Маккавеех», «Псковитянке», «Каменном госте», «Ратклифе» и их авторах, об «Аитаре» Корсакова, «Ромео и Джульетте» Чайковского... и многом другом, что в Веймаре известно...* «Restez-vous longtemps à Jena?» — сказал, между прочим, Лист, — «eh bien je vous prends par le collet; venez me voir encore a Weimar; nous ferons votre symphonie ensemble» **. Я пояснил, что не пианист и не могу играть с ним. «Eh bien c'est Madame la baronne, qui voudra bien jouer la symphonie avec M-r Lassen. Avez-vous un bon éditeur? *** Постойте, я Вам представлю Канта²³, моего издателя из Лейпцига, il pourra vous être utile, tenez! **** Он позвал Канта и представил его мне. Обед прошел оживленно и весело. Возле меня сидела по дру-

---

* Передавать подробности считаю неудобным, так как и Лист и баронесса высказывались весьма откровенно и разговор имел характер совершенно интимный. (Прим. автора).

** «Долго ли Вы пробудете в Иене? Ну так я Вас хватаю за шиворот; приезжайте еще раз в Веймар повидаться со мною; мы сыграем вместе Вашу симфонию».

*** «Ну, хорошо, в таком случае, баронесса не откажется нам сыграть Вашу симфонию с г-ном Лассеном. Есть ли у Вас хороший издатель?»

**** «может быть, он Вам окажется полезным, поверьте мне!»

гую сторону придворная певица Анна Lankow²⁴, очень милая, бойкая и веселая; я ей передавал кушанья, и мы подливали друг другу вино. После обеда Лист пошел отдохнуть. Баронесса тоже исчезла. Мы еще поболтали малость и отправились гурьбою в собор. Я хотел, по немецкому обычаю, заплатить за обед; оказалось, что Лист уже заплатил за всех и не велел принимать ни от кого платы. В соборе я уже поместился не на взятом мною месте, а в листовской компании. Имя Листа не стояло на афише в ряду исполнителей. Когда я спросил его: кто же будет играть фортепианную партию? он замаялся как-то и схитрил: «с'est... Naumann... bon pianiste» *. И это, разумеется, была неправда. Мы с А. [Дианиным] и [Гольдштейном] отлично видели за фортепиано седую типичную голову Листа. Марш Шопена и на этот раз он играл опять-таки по-новому, не так как на репетиции; очевидно, то была новая импровизация. «Посмотрите! Вот так он всегда делает; никогда не скажет, что это он играет, чудак!» — сказала Т[иманова]. После концерта, когда гресс-герцог, поговорив с Листом, уехал, публика бесцеремонно обступила Листа и рассматривала его без стыда, в том числе и мои юноши, которые как-то очутились у него под самым носом. В это время ко мне подбежал Гилле с приглашением отправиться после концерта к нему, где соберется вся листовская компания. И вот все мы гурьбою двинулись по направлению к дому Гилле, который живет относительно далеко от собора. Лист шел впереди, под руку с своею неизменною дамою; затем я, под руку с Гилле; Лассен, артисты и весь штат учениц Листа. Густая толпа публики, несмотря на дождь, накрапывавший порядочно, провожала нас. Прохо-

---

* «Это... Науманн... хороший пианист!»

жие—солдаты, студенты, купцы, офицеры и дамы и пр.—при встрече с Листом останавливались и почтительно раскланивались. Мои юноши без зазрения совести шли чуть не рядом с Листом и продолжали его рассматривать. Подходя к дому Гилле, слышали уже чад от жарящихся Bratwürstchen. «Wir sind schon dà! Es richtet schon nach Bratwürstchen!» * — загудели молодые ученицы, и вся толпа ввалилась гурьбой в сад Гилле, где действительно застилало дымом от колбас, которые жарились на открытом огне. Вход был убран цветами. Гилле в отчаянии размахивал руками: «Alles ist verloren! Wir kriegen Regen!» ** — а закуска была приготовлена в саду! Действительно, пошел дождь сильнее. Все поразбегались по беседкам и перенесли туда столы. Я расположился с баронессою, которая много беседовала со мною. Она очень простая, умная и милая женщина. «Если Вы хотите послушать Листа,—сказала она,—приходите всего лучше ко мне. Он иногда капризничает; Вы не можете заставить его играть, а я всегда сумею сделать это. Кроме таких-то и таких-то дней, я всегда дома. Venez quand vous voulez; vous serez toujours le bienvenu» ***. Я, разумеется, поблагодарил за любезность и сказал, что непременно воспользуюсь приглашением.

Наконец, Листу и его спутникам настала пора возвратиться в Веймар. Все направились на станцию железной дороги. Лист был сильно утомлен и вдобавок страдал, повидимому, болью в желудке: катарр желудка — его обычная болезнь. Он как-то

---

* сосисок. «Мы уже пришли! Уже чувствуется запах жареных сосисок!»

** «Все потеряно, сейчас пойдет дождь!»

*** «Приходите, когда хотите, всегда будете желанным гостем».

вдруг осунулся. Баронесса, Лассен и Гилле уложили его в вагоне 1-го класса, и он заснул. Между тем, произошли неожиданные курьезы: нехватило места для всей компании; хотели прицепить новый вагон. Опять вышла какая-то неурядица... Наконец, оказалось, что где-то, на дороге, соскочил с рельсов вагон, и пришлось иенскому поезду простоять на станции около полутора часов. Компания, сильно умаявшаяся, приуныла сначала, потом все пошло по-старому: — расселись пить пиво и пр., болтали, смеялись. Лист спал в вагоне глубоким сном. Наконец, поезд тронулся, и мы распрощались.

Я тебе писал раньше, что получил приглашение от баронессы М[ейендорф], которая хотела устроить так, чтобы я мог послушаться Листа со всем комфортом. Вскоре я получил приглашение, через Гилле, быть у Листа в воскресенье на *matinée*.^{*} Затем узнал, что Лист в субботу едет в Берлин. Рассчитывая, что едва ли он может иметь *matinée* в воскресенье, когда только в субботу отправляется в Берлин, — я, вместо воскресенья, решил быть у Листа в понедельник, помня, что это у него свободный день. Вот, в понедельник — с утренним же поездом — я и покатил в Веймар. К Листу было еще рано, и я направился к M-lle Végà, которая еще в Иене взяла с меня обещание быть у ней. «Что же это Вы не были вчера на *matinée*?» — был первый вопрос ее. «А как Вас ждали! Как Лист Вас ждал! Он уверен был, что Вы непременно будете! А как он хорошо играл вчера! И мы как хорошо играли!» Так мне сделалось досадно! Но делать нечего — не поправишь! Я просидел у M-lle Végà до 2 час. Она мне много и хорошо играла: сыграла весь репертуар пьес, которые должна была играть в кон-

---

^{*} музыкальное утро

церте в Киссингене, в пятницу. От нее я узнал неожиданным образом, что урок Листа, т. е. занятия с учениками, перенесены в виде исключения на понедельник. Ну, думаю, тем лучше, пойду к Листу в часы занятий его с учениками, посмотрю, как он занимается с ними. Нужно заметить, впрочем, что он никого не пускает к себе в часы занятий. Пообедав, я отправился с визитом к баронессе М[ейендорф], потому что к Листу все еще было слишком рано.

«Ах, как жаль, что Вы не были вчера у Листа на *matinée*, он очень ждал Вас! Гилле известил нас, что Вы непременно будете!» — были первые слова баронессы. Она женщина очень милая, простая, очень хорошо образованная и музыкальная. Говорили мы на этот раз о самых разнообразных вещах: о «Нови» Тургенева, о позитивизме, дарвинизме, Геккеле²⁵, философии Шопенгауера, фортепианном переложении «Антара» Корсакова, которое лежало раскрытым на рояле, о Вагнере, о веймарских художниках... Проболтав с нею более часа и получив приглашение на вечерний чай — с Листом, — я откланялся. Прихожу к Листу в 4½ часа, и, следуя советам М[ейендорф], велел доложить, что я такой-то, приехавший нарочно из Иены к занятиям Листа с учениками. Без этого, по словам М[ейендорф], человек Листа, иногда от избытка усердия, категорически отказывается даже доложить Листу о приезде в подобные часы. Вхожу. Какой-то голландский пианист (Кунен) играет пьесу Таузига²⁶. Лист стоит около рояля. Человек 15 окружают рояль. «Ah, vous voilà enfin» *, — закричал мне седой Meister. «Дайте же мне Вашу руку! Что же это Вы не были вчера? А Гилле уверил меня, что Вы непременно будете». Мне было ужасно досадно.

* «а! вот Вы наконец!»

Я показал бы Вам, что еще недурно играю Сонату Шопена с виолончелью и прч.». Далее он рекомендовал мне своих учеников: «Это все знаменитые пианисты, если не в настоящем, то в будущем, непременно». Толпа беззастенчиво расхохоталась. Я тут встретил почти всех тех, с которыми уже познакомился в Иене, в день концерта. «А мы совсем неожиданно перенесли урок на понедельник,— сказал Лист,— а всему виною die kleine M-lle Véra, которая со мною делает все, что хочет: захотела, чтобы урок был сегодня: — нечего делать, должен был перенести на сегодня». Все засмеялись опять. «Однако за дело, господа! Г. Н.— сыграйте-ка нам!..». Прерванные занятия продолжались. Лист останавливал иногда учеников и учениц, садился сам, играл и показывал; делал разные замечания, большею частию полные юмора, остроумия и добродушия, вызывавшие обыкновенно добрый смех даже со стороны того, кому делал замечание. Он не сердился, не горячился; ученики не обижались. «Versuchen Sie es einmal à la Véra zu spielen» *,— говорил он иногда, желая кого-либо заставить прибегнуть к мошеннической уловке, употребляемой Т[имановой], чтобы вывернуться из затруднения во всех случаях, где ее миньятюрные ручонки оказывались слишком маленькими. Он добродушно смеялся, когда попытка не удавалась. Если кто-нибудь говорил, что он не может сыграть того-то и того-то,—Лист усаживал его все-таки за рояль, прибавляя: «nun zeigen Sie uns, wie Sie das n i c h t k ö n n e n» **. Во всех своих замечаниях он был, при всей фамильярности, в высшей степени деликатен, мягок и щадил самолюбие учеников. Когда дошла оче-

---

* «Попробуйте-ка это сыграть по способу Веры».

** «Ну покажите нам, как Вы этого не можете».

редь до Т[имановой], он заставил ее сыграть Ес-дурную рапсодию, которую она приготовила к концерту в Киссингене. Сделав ей несколько мелких, но очень дельных замечаний, он сел за рояль и наиграл своими железными пальцами некоторые места. «Это должно быть торжественно, как триумфальное шествие!» — воскликнул Лист, вскочив со стула, подхватил Т[иманову] под руку и начал шагать величественно по комнате, напевая тему рапсодии. Все снова рассмеялись. Когда Т[иманова] сыграла во второй раз рапсодию, и действительно превосходно сыграла, — с огнем, с соблюдением самых тонких оттенков, — Лист обратился ко мне и сказал: «das ist aber doch ein famos er Kerl, die kleine Véra?» *. «Если Вы так же сыграете в концерте, — обратился он к Т[имановой], — то знайте — какие бы овации Вам ни выпали на долю, все это будет меньше того, чего Вы стоите!». Слезы радости навернулись на раскрасневшемся лице девушки. За нею последовали опять другие ученики и ученицы... Замечу кстати, что между ним и его учениками отношения какие-то патриархальные; ужасно простые, фамильярные и сердечные, нисколько не напоминающие обыкновенные, формальные отношения учеников к профессору; это скорей отношения детей к отцу или внучат к дедушке. Ученицы, например, без всякой церемонии целуют иногда у него руку, и он к этому до того привык, как видно, что не находит тут ничего странного. Он их целует в лоб; треплет по щеке и по плечу; подчас ударит по плечу и довольно крепко, заставляя обратить внимание на что-либо. При всем добродушии в замечаниях его проскальзывает иногда некоторое ехидство. Особенно он, повидимому, любит пройтись насчет

---

* «Славный малый, эта маленькая Вера».

Л[ейпцига]. «Ах, не играйте так! Играйте вот как!»—показал он одной ученице,— «Так только играют в Л[ейпциге],—прибавил он,—там поясняют вам, что это чрезмерная секста, и воображают, что этого довольно, а как ее сыграть — путем никогда не покажут! Или: «В Л[ейпциге] нашли бы, что это очень мило»,—заметил он по поводу довольно бесцветно и дрянно выполненного места из шопеновского этюда. Нужно заметить, что Лист никому ничего не задает сам, а предоставляет каждому выбирать что ему угодно. Впрочем, ученики всегда спрашивают предварительно: приготовить ли им такую-то или такую пьесу, потому что случается, что когда начнут играть что-нибудь не нравящееся ему, он остановит без церемонии и скажет: «Бросьте, что Вам за охота играть такую дребедень!». Собственно на технику, постановку пальцев и пр. он обращает ужасно мало внимания, а главным образом упирает на передачу выражения, экспрессию. Впрочем, за редкими исключениями, у него все ученики владеющие уже хорошо техникою, хотя учившиеся и играющие по разным системам. Собственно своей, личной манеры Лист никому не навязывает. Кстати об его игре:—вопреки всему, что я часто слышал о ней, меня поразила крайняя простота, трезвость, строгость исполнения; полнейшее отсутствие вычурности, аффектации и всего бьющего только на внешний эффект. Темпы он берет умеренные, не гонит, не кипятится. Тем не менее энергии, страсти, увлечения, огня — у него бездна. Тон круглый, полный, сильный; ясность, богатство и разнообразие оттенков — изумительные.

Когда урок, продолжавшийся часа два с половиною, кончился, Т[иманова] стала просить Листа, чтобы он перенес следующий урок с пятницы на субботу, потому, что ей неудобно приготовить что-

нибудь по случаю концерта.— «Вот так она всегда со мной делает! — ткнул на нее пальцем Лист, обращаясь ко мне, — а я... ну как я ей откажу! (?) она всегда хочет быть права и заставляет меня сделать по-своему! Ну что же, господа? — обратился он к прочим ученикам, — согласны ли вы будете отложить на субботу, а?» — «Конечно, конечно», — затрещали все. — «Ну, так и будет! В субботу!» — Вообще Лист, видимо, жалуется ужасно Т[иманову]. Когда она сыграла одну вещь (действительно великолепно), он воскликнул: «Браво! этого из вас никто так не сыграет!» — обратился он к остальным ученикам. Всех учеников при мне играло 2; учениц 3. Когда ученики стали уходить, Лист провожал их в переднюю и помогал некоторым одеваться; ученицы многие, прощаясь, целовали руку, он их целовал в лоб. Когда все ушли, он долго еще смотрел им вслед и, обратившись ко мне, сказал: «А какой все это отличный народ, если бы Вы знали!.. и сколько здесь жизни!...». Да ведь жизнь-то эта в тебе сидит, милый ты человек! — хотелось мне сказать ему. Он в эту минуту был очень хорош... — Когда я взял шляпу, Лист сказал: «Куда же Вы?». Я пояснил, что иду в отель, а затем к баронессе М[ейендорф]. «Прекрасно, значит мы увидимся скоро. До свидания!» — Видимо, он порядочно устал.

Заняв комнатку в маленькой буржуазной гостинице Thuringer Hof, я отправился к М[ейендорф]. Когда я вошел, Лист был уже у нее. Мы поболтали о разных разностях, вошел человек и доложил, что чай готов. Лист поднялся, предложил руку баронессе, и мы двинулись в столовую. Хозяйка представила мне своего сына, юношу лет 16, и мы вчетвером уселись за изящно сервированным столом, я по правую, Лист по левую руку баронессы; больше никого не было. Чай приготовила сама хозяйка в спирто-

вом английском приборе. К чаю поданы были всевозможные закуски, вино и пиво. Лист за чаем был очень разговорчив, и мы с ним много болтали о музыке. После чая хозяйка повела нас в гостиную к роялю. Прежде всего она подсунула Листу одну из его рапсодий, прося показать как играется то-то и то-то. Это была, без сомнения, очень прозрачная женская хитрость, которую раскусить, разумеется, было не мудрено. Лист рассмеялся. «Вам хочется, чтоб я сыграл ее? — Извольте; только прежде всего я хотел бы сыграть симфонию М-г с самим автором. Куда хотите: на *primo* или на *secondo*?» — обратился он ко мне. Я, разумеется, и руками и ногами! Наконец, я уговорил сесть баронессу; она согласилась только на *Andante*. Лист сел на *secondo*. Лист не удовлетворялся, однако, этим. «Баронесса очень любезна, но мне все-таки хочется проиграть эту вещь именно с Вами; не может быть, чтобы Вы не могли играть ее; Вы так хорошо аранжируете для фортепиано, что я не верю, чтобы Вы совсем не играли. Садитесь!». Не говоря более ни слова, он взял меня за руку усадил на *secondo*, а сам сел на *primo*. Я было опять на дыбы. «*Allez, jouez donc! autrement Liszt vous en voudra, je le connais, moi*» *, — шепнула баронесса. Я хотел было начать *Andante*, которое было раскрыто; но Лист перевернул ноты, и мы начали финал, потом скерцо, потом первую часть, — так и проиграли всю симфонию со всеми повторениями. Лист не давал мне останавливаться: по окончании одной части переворачивал ноты и говорил: *Allez toujours!* **. Когда я врал, пропускал или не доигрывал, он мне замечал: «Зачем пропускать — это так хорошо!» «*Ah! le cher com-*

* «Ну, играйте же! иначе Лист на Вас рассердится, я уж его знаю».

** «Продолжайте!»

positeur, il'a si bien composé et il ne veut pas le jouer!» *. Когда кончили, он по несколько раз проиграл еще один отдельные места симфонии, и по косточкам разобрал всю до мельчайших подробностей. Между прочим, он дал мне несколько мелких, но практических советов относительно аранжировки (плод очень внимательного отношения к симфонии) на случай, если я буду издавать симфонию вторым изданием; где, например, написать октавой ниже и поставить над этим 8va для удобства чтения. В различных местах у него были еще раньше сделаны карандашом всякие пометочки, NB, кое-где поставлены пропущенные в корректуре знаки, диэзы, бемоли.

Когда мы кончили, он сказал: «Мы знаем мало Вашей музыки, но зато, как видите, изучили Вас весьма основательно». Потом он и баронесса стали настойчиво просить, чтобы я спел им романсы и показал что-нибудь из оперы. От пения я решительно отклонился. «Ведь у Глинки тоже не было настоящего голоса, однако он пел свои вещи», — приставала баронесса. Чтобы отвязаться, я сыграл им один женский хорик, который обоим очень понравился. Наконец, я в свою очередь стал просить, чтобы Лист что-нибудь сыграл. Они взяли с меня слово, что я еще приеду к ним еще в Веймар, покажу мою 2-ю симфонию и т. д. Лист приставал, нет ли у меня манускриптов, чтобы я показал ему. Порешили, что я приеду в субботу на урок к нему, а вечером к баронессе, переночую в Веймаре и буду в воскресенье на *matinée*. Лист сел за фортепиано и сыграл рапсодию свою и еще что-то, не помню чье. Играл, впрочем, не много: было уже поздно!

---

* «Ах, милый композитор! Так хорошо сочинил и не хочет сыграть!»

В 12 час. мы разошлись. Я проводил Листа (который плохо видит ночью) под руку до квартиры его, но он все-таки проводил еще меня до угла, чтобы направить на ближайшую дорогу к моему отелю.

Утром я уехал в Иену и в тот же день телеграфировал Б[есселю], чтобы он прислал Листу мою вторую симфонию и некоторые романсы.

Я тебе писал, что Лист пригласил меня на субботу (14 июля) к себе, на занятия с учениками, затем на *matinée* в воскресенье; кроме того, баронесса просила меня на субботу вечером, к чаю. В пятницу я получил телеграмму от нее, где она напоминает мне, чтобы я завтра, т. е. в субботу, непременно был у нее. Я поехал в субботу, по обыкновению, в 11 час. 52 мин. и, пообедав, направился прежде всего к Т[имановой]. Каково же было мое удивление, когда Т[иманова] сообщила мне, что занятия учеников у Листа были вчера, т. е. в пятницу вместо субботы. Оказалось, что концерт в Киссингене не состоялся. Т[иманова] не уехала и снова упросила Листа переменить субботу на пятницу. «Meister», избаловавший вконец M-lle Véra, опять не мог отказать ей и перерешил. Посидев у Т[имановой], я отправился с ней к Листу. Поводом к тому, что мы отправились вместе, послужило, между прочим, одно обстоятельство: мне хотелось узнать, как играют у Листа «Исламея» Балакирева, и я просил Т[иманову] сыграть «Исламея»; она сказала мне, что давно не играла его, а на своем, довольно тугом, новом рояле, она не сыграет хорошо, а если бы мы пошли к Листу, то там она сыграет лучше, так как рояль у Листа слабее. «Мы порядком таки порасколотили там рояль,— сказала Т[иманова].— Вы только скажите Листу, что Вам бы хотелось знать, как я играю «Исламея», он сейчас же заставит меня сыграть при Вас. Вот увидите!» — Так и вышло;

только что я заикнулся об «Исламее», Лист сейчас же сказал: «*Ma chère M-lle Véra! jouez nous l'Islamey. Vous verrez comme elle le joue bien!*» * — обратился он ко мне. Нужно заметить, что у Листа мы нашли еще ту самую пианистку Scheuer из Дюссельдорфа (с которой я ел вишни на крыльце в Иене, после концерта) и еще очень хорошего пианиста Луттера²⁷. Scheuer доигрывала последнюю часть концерта Грига, а Луттер на другом инструменте (пианино) изображал оркестр. Это была репетиция. Концерт предполагалось играть завтра на *matinée*. Кончив его, они тотчас же и ушли. Мы с Т[имановой] остались одни у Листа. Она прекрасно сыграла «Исламею», хотя в темпе, несколько более медленном, чем играл его Н. Г. Рубинштейн. Что за сила! что за механизм!.. Затем мы болтали с Листом о музыке, об операх Рубинштейна, которые лежали у него на рояле. Потом он уселся за рояль, желая показать кое-какие места в этих операх. Сыграл увертюру к «Нерону», танцы и еще кое-что; затем я сказал ему, что танцы в «Демоне» лучше. «Дайте-ка сюда «Демона»! — сказал Лист, — я не знаю этих танцев». Я дал «Демона», отыскал танцы, и он проиграл их все. Потом показывал еще кое-какие вещицы, частями. Мне это напомнило совсем балакиревские вечера. Лист сидел за роялем: я — по правую руку, переворачивал ноты, а Т[иманова] по левую его руку. И как это приятно было слушать Листа совсем уже по-домашнему! Играл он тоже à la Balakireff, дополняя в аранжементе то басы, то средние ноты, то верхи. Мало-помалу из этих импровизированных дополнений начала вырастать одна из тех превосходных транскрипций Листа, где так ча-

---

* «Дорогая моя м-ль Вера! сыграйте нам Исламею. Вы увидите, как она его хорошо играет!»

сто переложение фортепианное бывает неизмеримо выше самой музыки, составляющей предмет, переложения. Лист импровизировал довольно долго. Когда он кончил, мы с Т[имановой] собрались уходить.

Лист удержал меня: «Ах да! Ведь мы сегодня увидимся еще у баронессы, не правда-ли? Прежде чем идти к ней, зайдите ко мне, мы пойдем туда вместе. Ко мне придет еще Зарембский (один из самых видных учеников Листа). Мне хотелось бы еще при Вас проиграть с ним Вашу симфонию, прежде чем играть ее сегодня вечером, потому, что...». Тут я не расслушал путем, что он сказал далее. (Т[иманова] перебила каким-то вопросом.) Я сказал, что, найду, и мы ушли. На дороге я спросил Т[иманову], что такое сказал Лист, когда мы уходили.— «Что ему хотелось пройти с Зарембским Вашу симфонию при Вас, прежде чем играть ее сегодня перед gross-герцогом»²⁸. — «Каким gross-герцогом? Да ведь мы сегодня будем у баронессы М[ейендорф] с Листом?» — переспросил я Т[иманову].— «Ну да, разве Вы не знаете, что сегодня великий герцог хотел быть у баронессы именно с тем, чтобы познакомиться с Вами лично? Лист ему об Вас так много говорил, что gross-герцог, узнав о Вашем приезде в Веймар, просил Листа, чтобы он непременно познакомил его с Вами: вот они и условились сегодня быть у баронессы М[ейендорф]. Разве Вы не слышали? Затем-то она и телеграфировала Вам, чтобы Вы непременно были».

Так и порешили. Около 8 часов я зашел к Листу. Зарембский был уже там, во фраке, белом галстуке, белых перчатках. Он с Листом проиграл мою симфонию: Лист в *secondo*, а Зарембский в *primo*. Сыграли чорт знает как хорошо! Особенно скерцо—суший огонь! Множество мелочей, которые у нас обыкновен-

но пропадают, выступали здесь ужасно рельефно. Мы отправились втроем к М[ейендорф]. Она была еще одна и очень любезно встретила нас. Я разыграл комедию извинения, и все произошло, разумеется, так, как говорила Т[иманова]. «*Vous êtes en voyage; du reste nous sommes ici à la campagne*»,*—засмеялась хозяйка. Минут через 10 раздался звонок. Баронесса, я и Лист встали: вошел гросс-герцог. Это был высокий, не молодой уже мужчина, в черном сюртуке, в белом жилете, светло-сиреневых перчатках и с цилиндром в левой руке. Баронесса представила ему меня. Он подал мне руку и сразу выгрузил целый запас любезностей, говоря, что он глубоко уважает весь наш музыкальный кружок, весьма любит нашу музыку, крайне интересуется нашей деятельностью, что до сих пор ему лично удалось только узнать одного Кюи (которого он называет «М-г Сои») и то мельком, в Байрейте, что он ужасно рад случаю познакомиться со мною и пр. и пр.—Я, разумеется, благодарил его. Затем, все пошли в гостиную, где стоял рояль. С гросс-герцогом приехал какой-то Excellenz ** и какая-то придворная дама, которая весь вечер, даже за чаем и ужином, оставалась в перчатках и в шляпе (этикет это что ли?). Начали с моей симфонии. Я стоял около рояля и ворочал страницы, гросс-герцог сидел немного дальше у рояля, внимательно и серьезно слушал, переглядываясь с Листом, который так и кис от удовольствия при разных оригинальных и пикантных местах, перекидываясь торжествующими взглядами то со мной, то с гросс-герцогом, улыбаясь, кивая одобрительно головою и т. д. Когда кончили, гросс-герцог подошел ко мне, рассыпался в любез-

* «Вы путешествуете; да, наконец, мы ведь здесь — на даче».

** превосходительство

ностях и даже распространился насчет разных деталей.

Затем гросс-герцог пожелал, чтобы я непременно поиграл ему еще что-нибудь из моей оперы. Нечего было делать:— я сел и, по требованию баронессы и Листа, сыграл два хоровых нумера, хотя гросс-герцог и Лист хотели, чтоб я сыграл еще танцы. Лист и гросс-герцог расспрашивали меня много о частностях исполнения сценического, об оркестровке — словом, выразили большой интерес и жалели, что не могу произвести им вокальных нумеров. После этого, поблагодарив меня, гросс-герцог встал, подал руку баронессе; Лист подал свою придворной даме, и все отправились в столовую — к чайному столу. Возле баронессы по правую руку, сел гросс-герцог, по левую — Лист, по правую руку гросс-герцога — я; возле Листа — придворная дама; подле меня, по правую руку, Excellenz, возле него сын баронессы и Зарембский. Гросс-герцог все время разговаривал главным образом со мною, затем с хозяйкой дома. Он, видимо, старался показать мне свое знакомство с русскою музыкою и литературою, говорил безумолку, очень просто и очень любезно. После чая, тем же порядком, все перешли в гостиную. Зарембский превосходно сыграл фантазию своего сочинения, очень интересную и эффектную, *à la Liszt*. Затем гросс-герцог встал, сказав ему и Листу несколько любезностей, еще раз поблагодарив меня и наговорив кучу приятностей, в заключение, протянул руку и сказал по-русски: «прощайте, до сфи-да-ния», отчеканивая каждый слог. За ним вслед откланялся Excellenz. После их ухода Зарембский еще превосходно сыграл еще Фантазию на «*Rheintöchter*» * Иосифа Рубинштейна²⁹, очень

* Фантазия на темы дочерей Рейна из «Кольца Нибелунгов» Вагнера.

блестящую и трудную. После этого мы двинулись домой; было 12 часов. Баронесса просила, чтобы я перед отъездом непременно побывал у нее. Проводив Листа до дому (он живет в двух шагах от баронессы), мы с Зарембским пошли домой.

На другой день я встал рано и пошел гулять... Ровнехонько в 11 был уже у Листа.

Многие, в том числе и баронесса, были уже там. Вскоре приехал и гросс-герцог. Он встретил меня уже как знакомого, спросил, как я провел ночь, где остановился в Веймаре и пр.

Помещение Листа небольшое и состоит всего из трех комнат, и то небольших. Поэтому в гостиной, где рояль и пианино, поместились только дамы и гросс-герцог. Мужчины оставались в соседней комнате. Тем не менее, Лист, увидев меня, взял за руку и, через спальню, увлек в гостиную. «Vous serez mieux là bas!» *, — сказал он. Начались занятия. Публики было так много, что нехватило стульев для всех. Мужчины большею частию стояли. Дамы сидели в шляпках, с зонтиками в руках. Мужчины б о м о н д н ы е, в том числе и гросс-герцог, были в черных сюртуках, со шляпою в руке и маленькою тросточкою, которую не выпускали из рук. Те и другие в перчатках. Не бомондные, как и аз многогрешный, были в самых разнообразных костюмах, пиджаках и пр. Дамы, за исключением русских, т. е. баронессы и Т[имановой], одеты были, большею частию, крайне безвкусно и нелепо, хотя многие очень щеголевато. Играли все ученики и ученицы Листа. Пели две барыни, довольно дрянно; аккомпанировал Лист. Аккомпанирует он превосходно. Matinée кончилась в 1 час. Пианисты и пианистки были, большею частию, очень сильные, хотя очень разно-

---

* «Вам там будет лучше!»

образные. Т[иманова] занимала, разумеется, одно из самых видных мест на *matinée*. Она прелестно и с шиком сыграла две мазурки Шопена (из малоизвестных), которые приготовила к концерту в Киссингене. Scheuer, дилетантка из Дюссельдорфа, исполнила чистенько свой концерт Грига, причем Луттер изображал на пианино оркестр; Реннебаум (из Нюрнберга), пианистка, не обладающая очень сильною техникою, хорошо сыграла «Cloches de Geneve» и «Lorelei» Листа; Луттер прекрасно исполнил «Danse Macabre» Сен-Санса в переложении Листа; Aus der Ohe³⁰, очень юная, но сильная пианистка, с изумительно длинными ручными кистями и пальцами, — бравурно сыграла трудную Фантазию на «Дон-Жуана» Листа. Зарембский также прелестно выполнил «Rheintöchter» Иосифа Рубинштейна, как и накануне. Вокальные нумера были: 2 дуэта Раффа³¹ и «На северном голом утесе» Листа. Репертуар, как видно, состоял главным образом из пьес новой фортепианной школы.

После *matinée* гросс-герцог снова подошел ко мне и, сказав несколько любезностей, распростился со мною. Лист проводил всех гостей вниз, в сад, прощаясь с ними. Мы с Т[имановой] и З[арембским] отправились обедать в Hôtel de Russie. Оттуда я пошел к Т[имановой], где и пробыл до 4^{1/2}. Затем мы пошли снова к Листу, так как он обещал мне дать свою фотографию. Лист только что встал (я писал, что он до этого часа отдыхает после обеда). Мы поболтали немного. Лист выложил мне на выбор целый ворох разных *cartes-portraits*, кабинетных портретов и пр. Хотя там были и большие, но я их не взял, потому что они, по-моему, менее похожи на него; по крайней мере я таким Листа не видал. Поэтому я предпочел взять маленький кабинетный портрет, поразительно похожий на него.

Когда я выбрал, Лист сделал на обороте очень милую надпись. Кроме того, он подарил мне на память еще рукописный набросок одного варианта для конца своей «Divina Comedia» *, с чрезвычайно красивыми, смелыми и оригинальными гармониями. Поблагодарив его за то и другое и распростившись с ним, я уехал обратно в Иену с тем, чтобы оттуда уже отправиться в Марбург и т. д.

21 июля, в субботу, расставшись с моими будущими докторами философии, которые остались в Иене, я отправился в Марбург. Путь лежал через Веймар, и я не утерпел, остановился на сутки в этом городе, моем Венусберге, где роль Венеры играл седой Лист. Вспомнилось мне, что в этот день у Листа последний урок, завтра последняя *matinée*, после которой *Maestro* уедет в Рим, и весь кружок его разъезжается в разные стороны.

Итти к Листу было еще рано, и я отправился к баронессе М[ейендорф]. Она сообщила мне, что в четверг Лист получил от Бесселя мои романсы и вторую симфонию, вчера играл ее с баронессою в четыре руки, остался ужасно доволен и назначил играть ее завтра на *matinée*, куда хотел приехать и гротс-герцог. При этом она пригласила меня на вечерний чай, прибавив, что кроме меня и Листа никого не будет, с тем чтобы на досуге просмотреть втроем мои романсы. От нее я пошел к Листу на урок. Когда я вошел, *Meister* стоял у рояля и что-то толковал столпившимся около него ученикам. Увидев меня, он закричал: «Ah! soyez le bienvenu, mon cher M-г **», а мы вчера играли Вашу вторую симфонию» — и при этом высказал свое одобрение, в са-

---

* «Божественная комедия»; имеется в виду симфония «Данте» Листа.

** «Добро пожаловать, дорогой мой господин».

мых веских выражениях. Урок прошел как обыкновенно, с тою разницею, что Лист сыграл *à livre-ouvert* фуги Римского-Корсакова и вместе с остальными фортепианными вещами последнего, только что полученными, роздал их для разучивания ученикам своим. Нечего и говорить, что фуги были сыграны превосходно, свободно, вступления тем в новых голосах оттенялись с изумительною рельефностью. Урок кончился. Лист удержал меня: пришел Зарембский, с которым Лист хотел пройти мою вторую симфонию к завтрашней *matinée*. Неугомонный Meister опять деспотически засадил меня за фортепиано, с Зарембским, а сам слушал; когда дело дошло до *Andante* и финала, он сказал: «*l'Andante, Vous le jouerez et puis je Vous remplacerai; je ferai le final mieux que Vous, n'est ce pas?*»* — засмеялся Лист. Перед вступлением к финалу я встал, Лист сел на мое место и бойко, с огнем, с энергией и увлечением сыграл финал. После этого он перебрал мою симфонию по косточкам, останавливаясь с большим вниманием на различных подробностях гармонизации, голосоведения, формы и пр., которые он находил наиболее оригинальными, и я имел новый случай убедиться, с каким горячим интересом он относится к музыкальному делу вообще и к русскому в частности. Трудно представить себе, насколько этот маститый старик молод духом, глубоко и широко смотрит на искусство; насколько в оценке художественных требований он опередил не только большую часть своих сверстников, но и людей молодого поколения; насколько он жаден и чуток ко всему новому, свежему, жизненному; враг всего условного, ходячего, рутинного; чужд предубежде-

---

* «Вы сыграете *Andante*, а затем я Вас сменю, я ведь лучше Вас сыграю финал, не правда ли?»

ний, предрассудков и традиций—национальных, консерваторских и всяких иных.

Тем дороже мне было встретить его теплое сочувствие и слово одобрения, выраженное не в форме светской любезности или общих мест, но в виде простых, ясных, всегда мотивированных выводов из анализа вещи.

(От души жалею на этот раз, что поводом к беседе с ним служила именно моя вещь; это лишает меня возможности привести здесь его подлинные, характерные и пластические выражения.)

Вечером, у баронессы М[ейендорф], таким же образом мы перебрали большую часть моих романсов, Лист заставил меня петь и объяснять ему текст, а сам аккомпанировал, анатомируя затем гармонию и даже декламацию. По поводу одного уже чересчур смело гармонизованного романса,— который именно более других понравился баронессе,— Лист воскликнул: «Bah! ici Vous aurez la critique surement contre Vous; c'est un peu trop poivré!» — «C'est du paprika?» * — засмеялся я.— «Non c'est du Cayenne!» **— рассмеялся Лист. Потом они толковали все с баронессой о том, кто бы у них мог спеть мои романсы, и просили меня перевести текст на немецкий язык. В заключение, разговаривая со мною о Дрездеке³², Лист попросил баронессу сыграть одну из частей сонаты этого автора, а затем сел за рояль и сыграл остальные, обращая мое внимание на различные подробности оригинальной и красивой гармонизации.

На другой день, на matinée, кроме множества фортепианной музыки, появился еще отличный скри-

---

* «Bah! здесь критика наверное будет против Вас; здесь слишком много перцу!» — «Это паприка!» (Паприко — суп из перца).

** «Нет, это кайенский перец!»

пач, француз Soret,³³ который приехал в Веймар с тем, чтобы потом начать с Т[имановой] концертное путешествие по Германии и Австрии.

Когда очередь дошла до моей симфонии, то Лист, сядясь с Зарембским за рояль, отыскал меня глазами в толпе и добродушно крикнул на всю комнату: «Ну, уж Вы простите, если я кое-где совру; я плохо вижу». Действительно, Лист даже и при помощи рипсе-пез плохо видит и когда не знает вещи наизусть, то иногда ошибается в знаках; если это происходит не перед публикою, то он обыкновенно при этом сердится и с досадой схватит красный карандаш и тут же поставит чудовищной величины бемоль, диес или бекар. Эта *matinée* была последнею и продолжалась очень долго. Лист, повидимому, был чем-то озабочен и несколько рассеян; оказалось, что в этот вечер должна была приехать в Веймар дочь его — Козима³⁴, с Вагнером, для того чтобы дня через два уехать вместе с Листом.

Распростившись с милым Maestro, я отправился сначала обедать в компании с Soret, Т[имановой] и З[арембским], а потом к З[арембскому], который хотел мне показать свою крайне талантливую фантазию для фортепиано с оркестром и потолковать об оркестровке. Нужно заметить, что во время моих экскурсий в Веймар мне часто приходилось сходиться со многими Lisztianer и Lisztianerinen, как там называют листовскую молодежь. Все это б[ольшей] ч[астью] народ простой, радушный, откровенный и подчас болтливый. От них я, без всякой инициативы с моей стороны, скоро узнал всю подноготную о Meister'e и его кружке. Узнал, например, что Лист вообще неохотно принимает новых учеников и к нему попасть не легко; для этого необходимо, чтобы он или сам сильно заинтересовался личностью или за нее ходатайствовали люди, которых Лист особен-

но уважает. Но, раз допустивши кого-либо, он редко удерживается в тесных рамках исключительно преподавательских отношений и скоро начинает принимать близко к сердцу частную жизнь своих учеников; входит иногда в самые интимные интересы и нужды их как материальные, так и нравственные; радуется, волнуется, скорбит, а подчас не на шутку будирует по поводу их домашних и даже сердечных дел. И во все это он вносит столько теплоты, нежности, мягкости, человечности, простоты и добродушия! На моих глазах было несколько примеров подобных отношений, которые заставляют высоко ценить Листа, как человека. Как видно, ни годы, ни долгая лихорадочная деятельность, ни богатая страстями и впечатлениями артистическая и личная жизнь не могли истощить громадного запаса жизненной энергии, которою наделена эта могучая натура.

Все это взятое вместе легко объясняет то прочное обаяние, которое Лист до сих пор производит не только на окружающую его молодежь, но и на всякого непредубежденного человека. По крайней мере полное отсутствие всего узкого, стадового, цехового, ремесленного, буржуазного как в артисте, так и в человеке — сказывается в нем сразу.

Но зато антипатии, которые Лист возбуждает в людях иного закала, — не слабее внушаемых им симпатий. По крайней мере, мне случалось встречать и у нас, и в Германии не мало людей, вовсе не музыкальных, путем даже не знающих, кто такой и что такое Лист, но которые чуть не с пеной у рта произносят это имя и с особенным злорадством пересказывают про него разные небылицы, которым подчас сами не верят.

Это было мое последнее свидание с Листом. Покидая Веймар, — мой Венусберг, — я, однако, не сра-

зу оторвался от моей седой Венеры (разумей Листа). Я попал в Марбург. Здесь жила, умерла и похоронена Св. Елизавета, поэтический образ которой вдохновил великого Maestro³⁵. На месте, где она была похоронена стоит один из самых изящных готических соборов. Видал я его и прежде, но тогда он говорил мне только об одной Елизавете. На этот раз с воспоминанием о ней связывалось воспоминание и о художнике, воспевшем ее. Женственный, светлый образ Елизаветы сливался для меня с величавою фигурой седого Мастера. Да и не мудрено; в них есть много общего: оба случайно, родом из Венгрии, занесены судьбою к немцам, стали достоянием католической церкви — но во всем, что в них есть симпатичного, не видно ничего ни венгерского, ни немецкого, ни католического — а только одно общечеловеческое.

А. Б-ъ

ПРИМЕЧАНИЯ

«Мои воспоминания о Листе» были написаны Бородиным летом 1878 г. по предложению В. В. Стасова и предназначались для напечатания в журнале «Пчела». По неизвестной причине, они в журнале не были напечатаны и впервые опубликованы в «Письмах А. П. Бородина», вып. III, М., 1949. В основу этих воспоминаний положены письма Бородина к жене Е. С. Бородиной, написанные из-за границы летом 1877 г., литературно обработанные для печати.

¹ Бессель Василий Васильевич (1843—1907) — основатель нотиздательской фирмы в Петербурге. Издатель произведений Бородина.

² Виланд Христофор Мартин (1733—1813) — немецкий писатель.

³ Тиманова Вера Викторовна (1855—1942) — выдающаяся русская пианистка, ученица Листа.

⁴ Гуммель Иоганн Непомук (1778—1837) — немецкий композитор и пианист, ученик Моцарта.

⁵ Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803) — немецкий поэт и публицист.

- ⁶ Кранх Лука (1472—1553) — немецкий художник.
- ⁷ Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — крупнейший немецкий философ-идеалист.
- ⁸ Шеллинг Фридрих Вильгельм Иосиф (1775—1854) — немецкий философ.
- ⁹ Окен Лоренц (1779—1851) — немецкий философ и естествоиспытатель.
- ¹⁰ Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814) — немецкий философ, педагог.
- ¹¹ Арнт Эрнст Мориц (1769—1860) — немецкий поэт и национальный деятель в борьбе с Наполеоном.
- ¹² Меланхтон Филипп (1497—1560) — немецкий протестантский богослов, друг и помощник Лютера.
- ¹³ Отрывки из оратории «Христос» Листа впервые исполнялись в Петербурге 8 марта 1877 г. в концерте Бесплатной музыкальной школы под управлением Н. А. Римского-Корсакова.
- ¹⁴ Трио e-moll, соч. 24, для ф-п., скрипки и виолончели написано Э. Ф. Направником в 1876 г.
- ¹⁵ Пановский Николай Михайлович (1797—1872) — литератор, фельетонист «Московских ведомостей».
- ¹⁶ Дианин Александр Павлович (1851—1918) — химик, ученик и друг А. П. Бородина.
- ¹⁷ Гольдштейн Михаил Юльевич (1853—1905) — химик, ученик А. П. Бородина.
- ¹⁸ Мейендорф Ольга Александровна — вдова секретаря русского посольства в Веймаре, близкий друг Ф. Листа.
- ¹⁹ Зарембский Юлий (1854—1885) — пианист, ученик Листа, профессор Брюссельской консерватории.
- ²⁰ Петров Осип Афанасьевич (1807—1877) — знаменитый русский оперный певец (бас).
- ²¹ Лассен Эдуард (1830—1904) — композитор, с 1861 г. капельмейстер в Веймаре.
- ²² Гилле Карл (1813—1899) — юрист, друг Листа, учредитель «Иенских академических концертов».
- ²³ Кант Христофор Фридрих (1823—1897) — немецкий музыкальный издатель, редактор-издатель журнала «Neue Zeitschrift für Musik».
- ²⁴ Ланков Анна (1850—1908) — певица (контральто), артистка Веймарской оперы.
- ²⁵ Геккель Эрнст (1834—1919) — немецкий зоолог, материалист, профессор Иенского университета.
- ²⁶ Таузиг Карл (1841—1871) — известный немецкий пианист.

²⁷ Луттер Генрих (род. 1858) — немецкий пианист и педагог.

²⁸ Карл Александр, великий герцог Саксен-Веймарский, внук Павла I, друг Листа, «покровитель наук и искусств».

²⁹ Рубинштейн Иосиф (1847—1884) — немецкий пианист, гастролировавший в Петербурге в 1870 г.

³⁰ Аус-дер-Оге Адель (1864—1937) — немецкая пианистка, ученица Т. Куллака и Листа. В 1891 г. выступала в Америке в концерте под управлением П. И. Чайковского.

³¹ Рафф Иозеф Иоахим (1822—1882) — немецкий композитор.

³² Дрезеке Феликс (1835—1913) — немецкий композитор.

³³ Сорэ Эмиль (1852—1920) — французский скрипач, ученик Вьетана и Берлиоза.

³⁴ Дочь Листа, Козима (1837—1930), была замужем за Хансом Бюловым, вторично вышла замуж за Рихарда Вагнера.

³⁵ Имеется в виду оратория Листа «Легенда о святой Елизавете», написанная в 1862 г.

ЛИСТ У СЕБЯ ДОМА В ВЕЙМАРЕ

(Из личных воспоминаний А. П. Бородина)

I

С давних пор Лист имеет обыкновение проводить лето в Веймаре, куда он приезжает большею частью к 8-му апреля — дню рождения гросс-герцогини. К этому времени, вместе с весенними птицами, налетают туда с разных сторон света «Lisztianer» * и «Lisztianerinnen» **, — как там называют листовскую учащуюся молодежь. В это время, и в течение всего лета, поезда привозят сюда и отвозят обратно массу гостей, поклонников и друзей Листа, разных тузов музыкального и вообще художественного мира. Веймар — маленькие Афины Германии — оживает. Вместо обычных чопорных гофратов «не у дел», в перчатках и цилиндрах, на улицах появляются молодые лица самых разнообразных типов, полустуденческие, полуартистические фигуры. Вместо зимней мертвящей скуки и гробового молчания раздается веселый, иногда даже бесшабашный смех, говор и пение на различных языках: немецком, французском, английском, русском, польском,

---

* «Листианцы».

** «Листианки».

венгерском, чешском и т. д. Из открытых окон льются целые потоки фортепианных звуков: — это «Lisztianer» и «Lisztianerinnen», несмотря на прелестную погоду и убийственную жару, с увлечением и упорством преодолевают разные виртуозные трудности фортепианной игры «высшей школы». Такие окна и потоки звуков встречаются все чаще и чаще по мере приближения к Wielands-Platz'у * [...] Лист живет на самом конце улицы и торода, около парка, в придворном домике, низ которого занят, кажется, главным садовником гротс-герцога, а верх — Листом. Домик каменный, маленький, двухэтажный, окрашенный желтовато-серой краской, крыша высокая, черепичатая. Фасад, выходящий на Marienstrasse, имеет в верхнем этаже всего три окна, из которых среднее — большое, широкое, боковые — маленькие; в нижнем всего одно окно настоящее и два фальшивых. На углу доска с надписью: «Marienstrasse 17—1». Боковой фасад, имеющий всего по два окна в каждом этаже, обращен к парку и до половины обвит виноградом.

Домик примыкает к решетчатым воротам, ведущим в большой сад, чистый, точно языком вылизанный. Фасад домика, выходящий в сад, имеет три небольших окна вверху и одно внизу, четыре ступеньки и небольшую одностворчатую дверь, ведущую во внутренность домика. Нижняя часть домика убрана цветами и виноградом. Около домика — зеленая скамейка. Словом, домик совсем дачный. Из сеней очень простая, деревянная лестница, выкрашенная желтой масляной краской, ведет во второй этаж — к Листу. Поднявшись по лестнице, входите в маленькие сени. Направо — шкаф и окно. Налево — дверь, украшенная цветочной гирляндой.

---

* к площади Виланда

Дверь эта открывается только для высокого гостя: самого гресс-герцога. Остальные смертные проходят прямо в другую дверь, ведущую в узкую и длинную прихожую, где помещается, между прочим, слуга-черногорец, о котором речь впереди. Здесь, направо: два комода, окно, письменный стол, у которого занимается помянутый черногорец, кресло; налево — дверь в столовую, столик с зеркалом, печь и еще столик. В глубине, за драпировкой, кровать черногорца. По входе в столовую, направо, вдоль по стене — этажерка красного дерева со шкафами, полочкой и часами; шкаф ясеневое дерево со стеклами; по правой стенке: огромное окно, с большой репсовой драпировкой, по левой стенке от входа — дверь в гостиную и широкая печь; прямо против входа — дверь в спальню; посредине комнаты небольшой обеденный стол и несколько стульев. Стены столовой, а равно и дверь, оклеены белыми обоями, без всякого рисунка.

Гостиная отделяется от кабинета только огромною драпировкою, так что в сущности составляет с ним одно целое. По входе из столовой в гостиную, по левой стене, — дверь, завешенная драпировкою; дверь эта ведет в прихожую и открывается только для гресс-герцога. Далее идет пианино, несколько разбитое уже, и мягкий диванчик. По стенке, против входа, три окна, обращенные в сад; рояль Бехштейна, порядком пострадавший от ретивых учеников Листа. За ним драпировка, отделяющая гостиную от кабинета, столик, стулья. В углу наискось поставлен маленький столик с бумагами, фотографиями и т. д. Направо от входа, вдоль стены, идут: камин, с часами на нем, драпировка, отделяющая гостиную от кабинета, небольшая кушетка с круглым столиком перед нею, этажерка с книгами, дверь в спальню. По правой стене от входа: боль-

шое трюмо, далее окно с видом на парк и дорогу в так называемый «Бельведер» — загородную резиденцию гросс-герцога. Почти посредине кабинета, наискось, поставлены кресло и крохотный, совсем дамский, письменный столик, на котором Лист пишет свою музыку. Легкие формы и миниатюрные размеры столика как-то вовсе не отвечают грандиозным размерам произведений, которые на нем пишутся, равно как и высокой, массивной фигуре самого маэстро. Возле этого столика другой — еще меньшего размера, на котором обыкновенно стоит подносик с рюмками, графинчиком коньяку и бутылкою отличного красного вина.

Колоссальная драпировка, разделяющая помещение на гостиную и кабинет, равно как и драпировки на окнах и гросс-герцогской двери, — из тяжелого полосатого репса с широкими красными полосами, чередующимися с более узкими зелеными, темно-то-белыми и белыми. Мебель, кроме стульев перед роялем, — мягкая и обита таким же репсом. Карнизы и багеты везде золотые. В спальне, с окном, обращенным также на дорогу в «Бельведер», небольшие ширмы, большая массивная кровать, умывальный стол и прочая спальная мебель. Полы везде обиты сплошь ковром. В окнах везде двойные рамы. Между рамами везде, кроме гостиной, мелкие цветы. На рояле, окнах и столах — груды нот, печатных и рукописных.

Вот подробности о жилище великого маэстро. Теперь о костюме.

Как светский аббат, Лист носит все черное: черный долгополый сюртук, черную низенькую, с широкими полями шляпу, черные перчатки и черный высокий галстук. Образ жизни Листа довольно правильный.

Встает он очень рано: зимой в 6, а летом в 5 часов утра, в 7 часов идет к обедне, станет куда-нибудь в уединенный уголок, нагнется на аналое и усердно молится. Чуждый всякого ханжества, отличающийся поразительно широкою веротерпимостью, еще недавно написавший второй «Вальс Мефистофеля», Лист в то же время—человек не только глубоко религиозный, но и католик по убеждению. Возвратясь от обедни, Лист пьет в 8 часов кофе, принимает своего секретаря, органиста Готшалька¹, толкует с ним о делах, а равно принимает и другие деловые визиты. Покончив с ними, Лист садится за работу и с 9 ч. до часу сочиняет, пишет музыку. Обедает Лист не в час, как буржуазия немецкая, а в 2 ч.—как и вся веймарская аристократия.

Обед у него всегда очень простой, но хороший. Несмотря на свой возраст, Лист может есть и пить очень много и совершенно безнаказанно благодаря своей железной натуре. Замечу при этом, что он ведет образ жизни кабинетный, сидячий, и никогда не гуляет на воздухе, несмотря на то, что у него под боком прекрасный сад и гресс-герцогский парк.

После обеда он всегда обязательно спит часа два, а затем принимает к себе учеников и других посетителей, занимается уроками музыки или даже просто болтает о разных разностях. Вечера большею частию проводит не дома, а в кругу близких, интимных друзей, в числе которых на первом плане стоит баронесса Мейендорф, урожденная княжна Горчакова, вдова бывшего посланника русского при веймарском дворе, а затем семья князя Витгенштейна. В 11 часов вечера Лист ложится спать, если только нет особенных причин просидеть долее.

Говоря подробно о внешней обстановке жизни Листа, нельзя не сказать и о его прислуге. Из женского персонала при нем состоит только некая Пау-

лина, почтенная женщина, занимающаяся хозяйством, но не представляющая ничего особенного; зато у Листа есть слуга, о котором стоит упомянуть. Это нечто вроде Лепорелло, Санхо-Панса и тому подобное, т. е. камердинер-фактотум, все что хотите, горячо преданный старому маэстро, сопровождающий его во всех путешествиях и пользующийся громадным доверием. [...] Выразительную черномазую фигуру его, с густыми черными усами и бакенбардами, знают в Веймаре все, и он пользуется там почетом и популярностью. Он со всеми беседует почтительно, но смело, без подобострастия и лакейских приемов,— даже с самим гресс-герцогом. Не только ученики Листа, но и разные юстицраты и гофраты при встрече с ним подают ему руку. Его можно видеть в кофейнях и ресторанах распивающим кофе в компании с учениками Листа и разными другими «господами». Дать ему на чай—значило бы кровно обидеть его, но маленькую вещицу на память, вроде мундштука для сигар, фотографической карточки и т. п., он примет с благодарностью, а в последнем случае готов даже подарить Вам взамен свою фотографическую карточку, да еще с надписью [...]

II

Упрямый, подчас даже капризный, Лист частенько выслушивает терпеливо советы своего Лепорелло. Лепорелло буквально боготворит своего барина и при всяком удобном случае с благоговением показывает всем и каждому большой портрет Листа, подаренный ему самим маститым маэстро и украшенный очень милою собственноручною подписью последнего. Портрет этот висит у Лепорелло в прихожей на самом видном месте. Вообще, гордый чер-

ногорец, видимо, дорожит своим положением у Листа, считает выше всех «своего» барина: на «остальных» господ смотрит только снисходительно.

Лепорелло, подобно своему барину, говорит свободно на нескольких языках, но между собою венгерец барин и черногорец слуга разговаривают обыкновенно на нейтральном языке — по-итальянски. В разговорах со всеми прочими Лист, где только можно, предпочитает всегда французский язык: по-немецки или по-итальянски он говорит только по необходимости, хотя владеет всеми тремя языками в совершенстве [...]

Много проживший, выдавший, читавший, хорошо образованный, одаренный умом, наблюдательностью и самостоятельным критическим отношением к тому, о чем идет речь, Лист является всегда в высшей степени интересным собеседником.

Особенно интересны его беседы о музыкальных делах, на что его, однако, не все и не всегда могут вызвать. Как музыкант Лист, в противоположность Вагнеру, видимо, тяготеет более к музыке концертной, симфонической и т. д., нежели к оперной; и в оперной он по преимуществу интересуется более чисто музыкальною стороною, нежели сценическою. Новой немецкой школы, кроме Вагнера, он вообще не жалуется. По его мнению, большею частию произведения ее бледны, бесцветны, утратили свежесть, интерес и жизненность. Симпатии его на стороне новой французской и, в особенности, новой русской школы, произведения которой он ценит высоко, изучает и знает основательно. Они не сходят у него с рояля; он играет их сам, играют и ученики его. Четырехручные вещи, которыми он увлекается или интересуется, он любит переигрывать чуть не с каждым учеником или пианистом, подвернувшимся под руку. При этом он разбирает музыку по косточкам

и отмечает все выдающееся и оригинальное. Такой период увлечения какою-либо вещью продолжается у него довольно долго. Высоким интересом Листа к новой русской школе, симпатиями к ней и влиянием на другие музыкальные элементы Германии нужно объяснить то обстоятельство, что, например, такие, чуждые немецкому уху вещи, как моя 1-я симфония и «Антар» Римского-Корсакова, не только исполнялись на фестивалях в Баден-Бадене и Магдебурге², но имели там большой успех и встретили крайне сочувственное отношение немецкой прессы. Как явный пример симпатии Листа к новой русской школе могу привести еще известное необыкновенно сочувственное письмо Листа и печатное мнение его о пресловутых «Парафразах», вызвавших маленькую бурю в стакане воды среди наших рецензентов; далее еще то обстоятельство, что, узнав про эту бурю, Лист выразил желание «скомпрометироваться вместе с нами» и написал с своей стороны маленькую вариацию, для помещения в виде интродукции к одному из номеров при втором издании «Парафраз», что и сделано издателем согласно желанию Листа³. Лист очень любил эти «Парафразы» и даже возил их с собою из Веймара в Магдебург во время фестиваля, заставляя всех и каждого — пианистов, певцов и пр. — играть их с ним. Еще доказательство: он очень любит и высоко ценит «Исламея» Балакирева и дает его играть своим ученикам; пьесу эту превосходно играла одна из самых любимых его учениц, наша талантливая соотечественница В. В. Тиманова; другой ученик его — Фридгейм⁴ играл эту пьесу в своих концертах, даже за пределами Европы. Наконец, это доказывают его собственные переложения, например, вещей Чайковского, а также исполнение их в его концертах и т. д.

Кстати об его игре: вопреки всему, что я часто слышал о ней, меня поразила крайняя простота, трезвость, строгость исполнения; полнейшее отсутствие вычурности, аффектации и всего бьющего только на внешний эффект. Темпы он берет умеренные, не гонит, не кипит. Тем не менее, силы, энергии, страсти, увлечения, огня — несмотря на его лета — бездна. Тон круглый, полный, сильный; ясность, богатство и разнообразие оттенков — изумительные. Играть вообще он ленив. Публично он давно уже не играл, а только в частных обществах, и то немногих, избранных. Теперь даже знаменитые *matinées* у него на дому прекратились. Чтобы заставить его сесть за рояль, нужно часто прибегать к маленьким хитростям: попросить, например, напомнить то или другое место из какой-нибудь пьесы, попросить показать, как следует играть какую-либо вещь; заинтересовать какую-нибудь музыкальною новинкою, иногда даже просто дурно исполнить что-либо. Тогда он рассердится, скажет, что так играть нельзя, сам сядет за рояль и покажет, как нужно играть. Теперь его можно иногда слышать на занятиях с учениками, где он нередко, начав показывать, как нужно играть какое-либо место в пьесе, увлечется и сыграет всю пьесу. Играя с кем-либо в 4 руки, он большею частью садится на *secondo*. Читает ноты и партитуры он, разумеется, превосходно, но теперь он плохо видит и, не разглядев иногда какого-нибудь знака, сердится и с досады черкнет карандашом на нотах чудовищный бекар или диес и т. д. Разыгрывая какую-либо вещь, он иногда начинает прибавлять к ней свое, и мало-помалу из-под его рук выходит уже не самая вещь, но импровизация на нее — одна из тех блестящих транскрипций, которые составили его славу как пианиста-композитора. Уроки у него бывают

большую частью два раза в неделю, после обеда; начинаются с 4½ часов и продолжаются часа полтора, два и более. Посторонним лицам, не получившим особого приглашения от самого Листа, трудно попасть на такой урок. Черногорский Лепорелло обыкновенно категорически отказывается даже доложить Листу о приезжающих в часы урока. На каждом уроке бывает около десяти, пятнадцати, даже двадцати человек учащихся, в числе которых перевес на стороне пианисток. Играют обыкновенно не все, а только часть из них, причем никакого определенного организованного порядка не соблюдается. Урок состоит в том, что ученики проигрывают Листу то, что они приготовили; он слушает, останавливает, делает замечания и сам показывает, как нужно играть то или другое. Лист никогда не задает никому ничего сам, а предоставляет каждому выбрать, что угодно. Впрочем, ученики всегда прямо или косвенно спрашивают о том, приготовили ли им ту или другую пьесу, или нет, так как случается, что когда начнут играть что-либо не нравящееся Листу, он без церемонии остановит и скажет: «Бросьте, охота Вам играть такую дребедень!» или сострит что-либо по поводу выбранной вещи. Собственно на технику в узком смысле он обращает мало внимания, а главным образом упирает на верную передачу характера пьесы, экспрессии. Это объясняется, между прочим, тем, что за очень редкими исключениями у него все ученики уже с вполне выработанной техникой, хотя учившиеся и играющие по разным системам. Собственно своей личной манеры Лист никому не навязывает, мелких требований относительно держания, постановки пальцев, приемов удара никогда не предъявляет, отлично понимая, что индивидуальность играет здесь большую роль. Впрочем, он никогда не отказывается пока-

зять и разъяснить свои приемы, когда видит, что ученик затрудняется в исполнении. Отношения между Листом и его учениками — фамильярные и сердечные, несколько не напоминающие обыкновенные формальные отношения между профессором и учеником [...] Ученики вежливо, но совершенно свободно, обращаются к нему со всякими вопросами, от души смеются его шуткам, его умному и подчас едкому юмору, который при всем его добродушии проскальзывает в его замечаниях, всегда дельных и серьезных по существу, хотя и легких по форме. Как человек в высшей степени благовоспитанный и с тактом, Лист умел поставить себя так, что, несмотря на крайнюю разношерстность своих учеников, в их взаимных отношениях никогда не проскользнет ничего грубого, неловкого, резкого.

Нужно заметить еще, что Лист никогда и ни с кого не берет никакой платы за уроки.

Вообще же он неохотно принимает новых учеников, и к нему попасть не легко. Для этого необходимо, чтобы он сам заинтересовался личностью, или за нее ходатайствовали люди, которых Лист особенно уважает. Но, раз допустивши кого-либо, он редко удерживается в тесных рамках исключительно преподавательских отношений, скоро привыкает к ученику и начинает принимать близко к сердцу частную жизнь его. Начинает входить иногда в самые интимные интересы и нужды его как материальные, так и нравственные; радуется, волнуется, скорбит, а подчас и не на шутку будирует по поводу домашних и даже сердечных дел своего ученика. Само собою разумеется, что при таких отношениях он всегда готов помочь во всем своему ученику, и нравственно, и материально. И во все это он вносит столько теплоты, нежности, мягкости, человечности, простоты и добродушия. На моих гла-

зах было несколько примеров подобных отношений, которые заставляют высоко ценить Листа как человека.

Помню я раз, как однажды Лист, проводив, по обыкновению, своих учеников, после урока, в прихожую и простившись с ними, долго смотрел им вслед и, обратившись ко мне, сказал: «А какой это все отличный народ, если бы Вы знали!.. и сколько здесь жизни!..»

«Да, ведь жизнь-то эта в тебе сидит, милый ты человек!» — хотелось мне сказать ему. Он в эту минуту был необыкновенно хорош.

Как видно, ни годы, ни долгая, лихорадочная деятельность, ни богатая страстями и впечатлениями артистическая и личная жизнь, не могли истощить громадного запаса жизненной энергии, которою наделена эта могучая натура.

Все это, вместе взятое, легко объясняет то прочное обаяние, которое Лист до сих пор производит не только на окружающую его молодежь, но и на всякого не предубежденного человека. По крайней мере, полное отсутствие всего мелкого, узкого, стадового, цехового, ремесленного, буржуазного как в артисте, так и в человеке, сказывается в нем сразу. Но зато и антипатии, которые Лист возбуждает в людях противоположного ему закала, не слабее внушаемых им симпатий. По крайней мере, мне случалось встречать и у нас, и в Германии не мало людей, иногда вовсе и немзыкальных, путем даже не знающих, кто такой и что такое Лист, но которые чуть не с пеной у рта произносят это имя и с особенным злорадством старательно пересказывают про него всякие небылицы, которым подчас сами не верят.

Впечатления, которые я передаю, вынесены мною отчасти уже из первого знакомства моего с Листом

в 1877 году. Познакомился я с ним случайно, проездом через Иену и Веймар. Поводом к знакомству послужила моя первая симфония, как оказалось, давно и основательно изученная им по фортепианному переложению. Она же послужила и к быстрому сближению с маститым маэстро, от которого мне суждено было выслушать по поводу этой вещи столько хорошего, сколько я не слышал ни от кого во всю свою жизнь.

Теплый, истинно дружеский прием, оказанный мне Листом в те немногие дни, которые я провел с ним вместе, останутся для меня навсегда одним из самых светлых воспоминаний в жизни [...]

А. Бородин.

ПРИМЕЧАНИЯ

Воспоминания А. П. Бородина «Лист у себя дома в Веймаре» написаны в феврале 1883 г., и напечатаны в журнале «Искусство» №№ 11, 12 за 1883 г. В них Бородин использовал свои письма к жене Е. С. Бородиной от 1877 г., а также «Мои воспоминания о Листе». Воспоминания «Лист у себя дома в Веймаре» были перепечатаны в книге В. В. Стасова «Александр Порфирьевич Бородин. Его жизнь, переписка и музыкальные статьи 1834—1887», П., 1889, а также в «Письмах А. П. Бородина», вып. IV, М., 1950. В настоящем издании воспоминания «Лист у себя дома в Веймаре» печатаются с некоторыми сокращениями, главным образом, в местах, повторяющих первые воспоминания.

¹ Готшалк Александр Вильгельм (1827—1908) — немецкий пианист и органист, ученик Тепфера и Листа, личный секретарь Листа.

² «Антар» Римского-Корсакова исполнялся на музыкальном фестивале в Магдебурге 30 мая/11 июня 1881 г. под управлением Артура Никиша. Первая симфония Бородин исполнялась на музыкальном фестивале в Баден-Бадене 8/20 мая 1880 г. под управлением Венделина Вейсгеймера.

³ «Парафразы на детскую тему», сочиненные Бородиным, Кюн, Лядовым и Римским-Корсаковым, были посланы в 1879 г. Листу, который ответил на их получение следующим письмом:

Гг. А. Бородину, Ц. Кюи, А. Лядову, Н. Римскому-Корсакову.

Уважаемые господа!

В форме шутки (*sous forme plaisante*), вы создали произведение с серьезным значением. Ваши «Парафразы» восхищают меня: ничего нет остроумнее ваших 24 вариаций и 14 маленьких пьесок на тему (*theme favori et obligé*):

Вот, наконец, превосходное сжатое руководство (*compendium*) науки музыкальной гармонии, контрапункта, ритмов, фугованного стиля и того, что по-немецки называется «*Formelchre*» (наука форм). Я охотно предложу профессорам композиции всех консерваторий Европы и Америки взять ваши «Парафразы» за практическое руководство их преподавания. Прямо с первой же страницы, вариации №№ 2-й и 3-й — истинные жемчужинки (*sont de véritables bijoux*); точно также и другие нумера, один за другим, до «Комической фуги» и «Шествия», которое великолепно увенчивает все сочинение (*qui couronne glorieusement l'ouvrage*).

Благодарю вас, господа, за это угощение (*merci de ce régal*), и когда один из вас напечатает какое-нибудь новое сочинение, я прошу его сообщить мне это сочинение. Самое живое, высокое и симпатическое уважение с моей стороны уже много лет принадлежит вам. Примите также выражение искренней моей преданности.

Франц Лист

15-го июня 1879. Веймар.

В. В. Стасов опубликовал это письмо на русском языке в газете «Голос» № 277 от 7 октября 1879 г. Появление этого письма в печати вызвало нападки со стороны части реакционной прессы, обвинившей русских композиторов в недостойном занятии сочинения разных пустяков и сомневавшейся в подлинности письма Листа. Летом 1880 г., при проезде Кюи через Веймер, он получил от Листа написанную им вариацию для «парафраз» со следующей надписью: «для помещения между 9—10 страницами напечатанного издания, после финала Кюи»

и как прелюдию к польке Бородина. Вариация для второго издания чудесного произведения Бородина, Кюи, Лядова и Римского-Корсакова. Преданный им Ф. Лист. Веймар, 28-го июля 1880 года». Эта вариация и была опубликована в виде автографа при втором издании названных «парафраз» фирмой М. Беляева в Лейпциге.

* Фридрих Артур (1859—1932) — немецкий пианист, ученик Листа.

СОДЕРЖАНИЕ

Мои воспоминания о Листе . . . .

Лист у себя дома в Веймаре .

Редактор *В. Киселев*
Корректор *Д. Абрамова*
Техн. редактор *Э. Готлиб*

Подписано к печати 24/XI 1952 г.
Ш 03964. Бум. $70 \times 108^{1/32} = 0,93$ б. л.
2,57 печ. л. — 2, 28 уч.-изд. л.
Тираж 20 000 экз. Зак. 1350.

Типо-литография Музгиза. Москва,
Щипок, 18.

Цена 1 р. 10 к.

